

Замок из стекла

Автор:

Джаннетт Уоллс

Замок из стекла. Что скрывает прошлое

Джаннетт Уоллс

5 женщин. Правда, которую нужно рассказать
Замок из стекла. Книги о сильных людях и удивительных судьбах

Всего за несколько недель эта книга превратила молодую журналистку Джаннетт Уоллс в одного из самых популярных авторов Америки. Престижные премии и приглашения на телевидение, первые строчки в книжных рейтингах и продажи миллионов экземпляров, желание Дженнифер Лоуренс исполнить главную роль в экранизации – «Замок из стекла» по праву можно назвать сенсацией в современной литературе.

В этой книге Уоллс рассказывает о своем детстве и взрослении в многодетной и необычной семье, в которой практиковались весьма шокирующие методы воспитания. Многие годы Джаннетт скрывала свое прошлое, пока не поняла, что только освободившись от тайн и чувства стыда, она сможет принять себя и двигаться дальше.

Джаннетт Уоллс

Замок из стекла

Jeannette Walls

The Glass Castle: A Memoir

© 2005 by Jeannette Walls

© Андреев А.В., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Джону, который убедил меня, что у каждого интересного человека
есть прошлое

Чтоб затерялся свободно он

В божественном свете звезд,

В том, никогда не бывшем раю,

Которого не вернуть.

Дилан Томас (Dylan Thomas)

«Стихотворение на свой день рождения»

(Перевод Василия Бетаки)

I. Женщина на улице

Я сидела в такси и думала о том, не слишком ли сильно разоделась для этого
вечера. Подняла глаза и увидела свою маму – она копалась в помойке. Это было
вечером и уже стемнело. Я застряла в пробке в двух кварталах от места
проведения вечеринки. Холодный мартовский ветер разгонял пар,
поднимающийся из люков канализации, и прохожие быстрым шагом шли по

тротуарам, подняв воротники пальто.

Моя мама стояла всего в семи метрах от моего такси и копалась в мусорном бачке. На плечи она накинула какие-то тряпки, чтобы было теплее, и рядом с ней играла ее собака – помесь терьера и дворняжки черно-белой расцветки. Я прекрасно знала мамины жесты и мимику – исследуя содержимое помойки, она наклоняла голову и слегка оттопыривала нижнюю губу в поисках «сокровищ», которые вытаскивала из бачка. Когда она находила что-нибудь, что ей нравилось, ее глаза расширялись от радости. Ее волосы поседели и висели клочьями, глаза запали, но, тем не менее, это была моя мама, которую я прекрасно помнила, которая ныряла в море с высоких скал, рисовала в пустыне и читала наизусть Шекспира. У нее были все те же скулы, хотя кожа на лице была в старческих пятнах от солнца и ветра. Всем прохожим она представлялась обычной бездомной, которых в Нью-Йорке тысячи.

Последний раз я видела маму несколько месяцев назад, и когда она подняла глаза, меня охватил страх. Я испугалась, что она окликнет меня по имени и кто-нибудь из гостей вечеринки, на которую я отправляюсь, увидит нас вместе и раскроет мой секрет.

Я как можно глубже опустила в кресле на заднем сиденье, попросила таксиста развернуться и ехать обратно на Парк авеню.

Такси остановилось у подъезда моего дома, швейцар открыл мне дверь, и лифтер нажал кнопку моего этажа. Муж был все еще на работе, и в квартире было пусто. Тишину нарушали только звуки моих шагов в туфлях на высоких каблуках по паркету. Меня очень взволновала неожиданная встреча с матерью, которая так радостно копалась в помойке. Я включила музыку Вивальди в надежде на то, что она успокоит мои нервы.

Обвела взглядом комнату. Вокруг меня стояли вазы начала XIX века, раскрашенные золотом и серебром. С полок смотрели кожаные корешки старых книг, купленных мной на блошиных рынках. Здесь были персидские ковры, старинные географические карты в рамках и огромное кожаное кресло, в котором я любила отдыхать вечерами. Я приложила все усилия для того, чтобы обставить квартиру и чтобы человеку, которым я хочу казаться, было бы в ней приятно жить. Однако эта квартира с ее обстановкой переставала приносить мне радость, как только я вспоминала о том, что мама с папой сидят где-нибудь на тротуаре. Я волновалась об их судьбе, но я и стеснялась того, какими они

стали. Мне было стыдно за то, что я ношу жемчуга и живу на Парк авеню, а мои родители заняты тем, чтобы найти еду на этот вечер и теплое место для ночлега.

А что мне оставалось делать? Много раз я пыталась им помочь, но папа неизменно говорил, что им ничего не нужно, а мама просила у меня что-нибудь совершенно не вяжущееся с ее стилем жизни, наподобие флакона духов или членства в каком-нибудь фитнес-центре. Мои родители утверждали, что живут так, как им хочется.

После того как я спряталась в такси от мамы, я начала сама себя ненавидеть и ощущала неприязнь к своей дорогой одежде и квартире с антикварной обстановкой. Я подняла телефонную трубку, позвонила другу матери и оставила сообщение на автоответчике. Так, через автоответчик другого человека, мы с мамой общались. Мама перезвонила мне через несколько дней, и ее голос был спокойным и радостным, словно мы только вчера встречались на ланче. Я сказала, что хочу ее видеть, и попросила приехать ко мне, но мама отказалась и предложила встретиться в ресторане. Она любила есть там, где тебя обслуживают, и мы договорились о встрече в ее любимом китайском ресторане.

Когда я приехала в ресторан, мама уже сидела за столиком и внимательно изучала меню. Я обратила внимание на то, что она постаралась привести себя в порядок. Мама была одета в толстый серый свитер, на котором было всего несколько пятен грязи, и в черные мужские ботинки. Она умыла лицо, но на висках и шее все еще оставались черные разводы грязи.

Увидев меня, она радостно замахала рукой и воскликнула: «А вот и моя маленькая девочка!» Я поцеловала ее в щеку. Мама уже положила в свою сумку все пакетики соевого соуса, приправы для утки, а также кисло-сладкого соуса, которые были на столе. У меня на глазах она высыпала в сумку и плоскую сухой рисовой вермишели. «Потом перекушу», – спокойно объяснила она.

Мы сделали заказ. Мама выбрала морских гадов Seafood Delight. «Ты же знаешь, как я люблю дары моря», – прокомментировала она свой выбор.

Мама начала говорить о Пикассо. Недавно она просмотрела ретроспективу его работ и пришла к выводу о том, что он не такой интересный художник, как многие считают. По ее мнению, Пикассо не создал ничего стоящего после своего

розового периода. Все его работы в стиле кубизма вторичны и малоинтересны.

«Меня беспокоит твое состояние, – сказала ей я. – Скажи, чем я могу тебе помочь».

Она перестала улыбаться. «Почему ты считаешь, что мне нужна помощь?»

«Я небогата, но деньги у меня есть. Скажи, что тебе нужно», – ответила я.

Она задумалась: «Купи мне курс удаления волос электролизом».

«Послушай, давай серьезно».

«Я совершенно серьезно. Когда женщина хорошо выглядит, она хорошо себя чувствует».

«Мам, перестань». Я почувствовала, что все мое тело напряглось, как всегда происходило во время разговоров на эту тему. «Я говорю о том, чтобы помочь тебе изменить свою жизнь и поэтому хорошо себя чувствовать».

«Ты хочешь помочь мне изменить мою жизнь? – спросила мама. У меня все в порядке. Это тебе нужна помощь. У тебя все ценности в голове смешались».

«Мам, пару дней назад я видела, как ты в мусорном бачке копалась в Ист-виллидж».

«Люди в этой стране слишком расточительны и не ценят вещи. Считай, что это мой маленький вклад в большое дело утилизации отходов». Она снова принялась за свой Seafood Delight. «А почему ты не поздоровалась?»

«Мне стало стыдно, и я спряталась».

«Вот видишь, – мама укоризненно направила на меня свои палочки для еды. – Вот об этом-то я и говорю. Тебя чересчур легко устыдить. Мы с твоим отцом такие, какие есть. Прими нас такими».

«А что мне отвечать на вопрос людей о моих родителях?»

«Скажи им правду. Нет ничего проще», – ответила мама.

II. Пустыня

Я горю. Это мое самое раннее воспоминание. Мне было три года, и мы жили в парке-стоянке прицепных вагонов в городке в южной Аризоне, название которого я не помню. Я стояла на стуле перед плитой. На мне было розовое платье, которое подарила мне бабушка. Мне очень нравился розовый цвет. Спереди платья, на животе, красовался бант. И иногда, крутясь перед зеркалом в этом платье, я представляла себя балериной.

В тот момент я варила сосиски для хот-догов. Смотрела в кастрюлю и наблюдала, как они набухают и крутятся в кипящей воде. Было утро, и солнце нежно освещало маленькую кухню автоприцепа.

В соседней комнате мама напевала и рисовала картину. Наша черная дворняжка Жужу внимательно следила за мной. Я нацепила на вилку одну сосиску, наклонилась и предложила ее собаке. Сосиска была горячей, Жужу полизала ее и остановилась, снова уставившись на меня. Вдруг я почувствовала, что справа от меня что-то горит. Повернулась и увидела, что правая сторона моего платья пылает. Я оцепенела от ужаса и смотрела, как желто-красные языки пламени ползут по ткани на уровне моего живота. Потом огонь вспыхнул сильнее и коснулся моего лица.

Я закричала. Я почувствовала запах горелого и услышала треск моих горящих волос и ресниц. Жужу начала лаять. Я снова закричала.

В комнату вбежала мама.

«Мама, помоги!» – взывая к ней о помощи, я по-прежнему стояла на стуле и пыталась сбить огонь вилкой, которой зацепила хот-догов для Жужу.

Мама бросилась в соседнюю комнату и выбежала оттуда с одеялом, купленным в магазине списанных военных товаров, которое я очень не любила за то, что оно было колючим. Мама быстро набросила на меня одеяло для того, чтобы потушить огонь. Папы в тот момент не было, он куда-то уехал на машине, поэтому мама схватила меня и моего младшего брата Брайана и кинулась в соседний автоприцеп. Жившая в том автоприцепе женщина развешивала на улице выстиранное белье. Во рту она держала несколько прищепок для белья. Мама неожиданно спокойным голосом объяснила ей, что произошло, и попросила соседку подвезти нас до ближайшей больницы. Женщина выронила прищепки и свежестыранное белье прямо в пыль под ногами и, не сказав ни слова, побежала к машине.

Сразу по приезде в больницу сестры положили меня на носилки. Они говорили громким, озабоченным шепотом и разрезали большими блестящими ножницами то, что осталось от моего розового платья. Потом они подняли меня и переложили на большую железную кровать, в которой лежали ледяные кубики, и часть этих кубиков разложили по всему моему телу. Доктор с седыми волосами и в очках в черной оправе вывел мою маму из комнаты. Когда они выходили, я услышала, как доктор сказал, что мое положение очень серьезное. Сестры остались со мной. Одна из них сжала мою руку и сказала, что все будет хорошо.

«Я знаю, – ответила я, – но даже если будет и не очень хорошо, то все равно нормально».

Сестра еще раз сжала мою руку и прикусила нижнюю губу.

Комната была белой, маленькой и ярко освещенной. Вдоль стен стояли металлические шкафы. Я некоторое время рассматривала ровные ряды точек на облицовке потолка. Кубики льда лежали у меня на животе, ребрах и даже щеках. Краем глаза я заметила, что маленькая грязная ручонка появилась всего в нескольких сантиметрах от моего лица и схватила горсть кубиков льда. Я услышала громкий хруст и посмотрела вниз. Там внизу Брайан грыз лед.

Доктор сказал, что мне очень повезло. Мне сделали трансплантацию кожи, которую с ляжки пересадили на наиболее обожженные места на животе, ребрах и груди. После того как операция была закончена, всю мою правую сторону тела

закрыли повязками.

«Смотрите, я наполовину мумия», – сказала я одной из медсестер. Та улыбнулась в ответ и подвесила мою правую руку на лямку, закрепив ее так, чтобы я не могла ею двигать.

Доктора и медсестры часто спрашивали меня: Как получилось, что я обгорела? Может быть, мои родители плохо со мной обращались? Откуда у меня так много ожогов, порезов и ссадин? Я отвечала им, что родители очень хорошо ко мне относятся. Ссадины и порезы у меня оттого, что я играю на улице, а ожоги оттого, что я варила сосиски. Меня спросили, как получилось, что трехлетний ребенок без присмотра сам готовит себе хот-доги. Да это просто, отвечала им я. Надо вскипятить воду, положить в нее сосиски – и все дела. Это же не какой-то сложный кулинарный рецепт, который ребенок не в состоянии повторить. Мне было трудно поднять кастрюлю с водой, поэтому я приставляла к раковине стул, залезала на него и набирала стакан воды. Потом опять же со стула я переливала этот стакан в кастрюлю. Я проделывала эту операцию до тех пор, пока кастрюля не наполнялась. Потом я зажигала конфорку, и когда вода закипала, я бросала в нее сосиски. «Мама считает, что я достаточно взрослая для этого, и часто разрешает мне готовить для себя», – заверила я всех интересующихся.

Расспрашивающие меня медсестры переглянулись, и одна из них что-то записала. Я спросила их, все ли в порядке, на что они ответили, что все хорошо.

Каждые два дня сестры меняли мне повязки. Старые, покрытые кровью, кусочками обожженной кожи и гноем, они снимали и откладывали в сторону. Потом они накладывали новую повязку из мягкой марли. Ночами я щупала свою шероховатую кожу там, где она не была закрыта повязками. Иногда я сквыривала корочку на ранах. Медсестры предупреждали, что этого не надо делать, но мне интересно было узнать, какого размера корочку я могу отодрать. Содрав две корочки с ран, я представляла, как они разговаривают между собой тонкими, писклявыми голосами.

Больница, в которой я лежала, была очень чистой. Все в больнице было белое – стены, потолки и форма медсестер. Иногда они носили форму серебряного цвета. Серебряного цвета были кровати, подносы и медицинские инструменты. Все в больнице говорили вежливо и спокойно. Было так тихо, что слышен был

скрип подошв медперсонала в коридоре. Я не привыкла к тишине и порядку, но мне в больнице понравилось.

Мне нравилось, что тут я лежала одна в палате. (В автоприцепе я жила в комнате с братом и сестрой.) В моей палате был даже телевизор. Дома у нас его не было, поэтому в больнице я часто смотрела ТВ. Моими любимыми передачами были «Ред Батонс» (Red Buttons) и сериалы с Люсиль Болл.[1 - Lucille Ball (1911-1989) - американская комедийная актриса и звезда телесериала «Я люблю Люси», получившая в США прозвище «Королева комедии».]

Доктора и медсестры постоянно спрашивали меня, как я себя чувствую, не голодна ли и не нужно ли мне чего-нибудь. Медсестры приносили мне очень вкусную еду три раза в день и на третье давали фруктовый коктейль или желе Jell-O, а постельное белье меняли даже тогда, когда оно было совершенно чистым. Иногда я читала медсестрам, которые говорили, что я очень умная для ребенка моего возраста и читаю, как шестилетняя.

Однажды я заметила, что медсестра с белыми волнистыми волосами и синей тушью на веках что-то жевала. Я спросила ее, что она жует, и та ответила, что жует жвачку. До этого я никогда не слышала про жвачку, поэтому медсестра вышла и вернулась с целой упаковкой. Я вытянула из пачки пластинку, сняла бумажку, развернула фольгу и увидела покрытую мелкой сахарной пудрой жвачку. Я засунула пластинку в рот и была поражена неожиданной резкой сладостью вкуса. «Ух ты! Здорово!» - сказала я медсестре.

«Жуй, но ни в коем случае не глотай», - предупредила медсестра со смехом. Она улыбнулась и привела нескольких медсестер для того, чтобы показать, как я жую свою первую пластинку жвачки. Потом, когда эта медсестра принесла мне обед, она сказала, что я должна вынуть жвачку изо рта и что мне не стоит волноваться, потому что я смогу взять новую пластинку после обеда. И не нужно беспокоиться, что закончится пачка - тогда она мне купит новую. И вообще в больнице не надо ни о чем тревожиться. Если хочется, то тебе принесут мороженое или жвачку. Складывалось впечатление, что больница - это самое счастливое место на земле и мне лучше в нем остаться подольше.

Во время посещений в тихих коридорах больницы звучали пение, споры и смех членов нашей семьи. Медсестры на нас шикали, после чего мама, папа, Лори и

Брайан на несколько минут понижали голос, но потом начинали снова говорить громко. Все оборачивались и смотрели на папу. Не знаю, потому ли, что он был таким красивым, или потому, что называл всех на ковбойский манер «партнер», а иногда – «гумба»[2 - Goomba – сленговое обращение наподобие испанского *compadre* и итальянского *compagne*, а также сицилийского *compagni*, т. е. «кумпан». Используется главным образом среди жителей Нью-Йорка итальянского происхождения. – Прим. перев.] и закидывал назад голову, когда смеялся.

Однажды папа спросил меня о том, как медсестры и доктора ко мне относятся. Если они относятся ко мне плохо, то он их поколотит. Я сказала папе, что все относятся ко мне хорошо. «Ну, конечно, – ответил папа. – Они знают, что ты дочка Рекса Уоллса».

Мама желала знать, что именно хорошего мне сделал медперсонал, и я рассказала ей о жвачке.

«Вот как!» – сказала она. Мама считала, что жевание жвачки – это ужасная плебейская привычка пролетариата и медсестра должна была проконсультироваться с родителями перед тем, как предложить мне жвачку и приучать меня к столь вульгарным манерам. Она заметила, что поговорит с той медсестрой. «Ведь я же твоя мать и имею право знать, как тебя воспитывают», – объяснила она.

«А вы без меня скучаете?» – спросила я однажды мою старшую сестру.

«Нет, у нас много дел и постоянно что-то происходит», – ответила она.

«А что происходит?»

«Ну, все идет, как обычно».

«Лори, может быть, по тебе не скучает, но мы очень сильно скучаем, – вставил папа. – Тебе надо поскорее выходить из больницы доктора Пилюлькина».

Он присел на мою кровать и начал рассказывать историю о том, как однажды Лори укусил скорпион. Я уже много раз слышала эту историю, но мне нравилось,

как папа ее рассказывает. Мама с папой были в пустыне, а Лори, которой тогда было четыре года, играла одна. Она перевернула камень, из-под которого вылез скорпион и ужалил ее в ногу. У Лори начались конвульсии, ее тело оцепенело и покрылось потом. Папа не доверял больницам и отвез ее к шаману из племени навахо, который разрезал место укуса и смазал каким-то лекарством, после чего Лори быстро выздоровела. «В тот день, когда ты обгорела, маме надо было отвести тебя к шаману, а не к этим пилюлькиным», – закончил свой рассказ папа.

Когда они приехали навестить меня на следующей неделе, голова Брайана была замотана грязной повязкой, на которой были видны следы засохшей крови. Мама сказала, что Брайан упал с кровати во сне и разбил голову, но они с папой решили не отвозить его в больницу.

«Вся комната была в крови, но, знаешь, одного ребенка в больнице нам вполне достаточно», – сказала мама.

«У Брайана такая крепкая голова, что, мне кажется, при падении пол пострадал больше, чем он сам», – заметил папа.

Брайан слушал родителей и громко смеялся.

Мама рассказала, что она купила мне лотерейный билет на ярмарке и выиграла полет на вертолете. Я никогда не летала на вертолете и была от этой новости в полном восторге.

«Когда я полечу?» – спрашивала я.

«Мы уже за тебя полетали, – ответила мама. – Ох, как было здорово!»

Потом папа начал пререкаться с доктором по поводу моих повязок. «Место ожога должно дышать», – объяснял он доктору.

Доктор ответил, что повязки необходимы для того, чтобы предотвратить заражение. Папа взорвался: «Да к черту заражение! Из-за этого у ребенка на всю жизнь шрам останется! Сейчас я и тебе шрам на память оставлю!»

Тут папа сжал кулак и замахнулся на доктора, который стал закрываться руками и пятиться из палаты. Вскоре появился охранник и сказал моим родственникам, что им пора идти.

После этого случая медсестра спросила меня о том, все ли у меня в порядке. «Конечно», – ответила я. Я не переживала по поводу какого-то шрама. Медсестра сказала, что на тему шрамов мне действительно волноваться не стоит, потому что в моей жизни и так много других проблем.

Через несколько дней после этого случая папа приехал ко мне в больницу один. К тому времени я провела в больнице уже около шести недель. Папа заявил, что мы будем выписываться по-бразильски, в стиле Рекса Уоллса.

«Ты уверен, что так можно?» – спросила его я.

«Положись на большой опыт твоего папы», – ответил мне он.

Он вынул из лямки мою правую руку и взял меня на руки. Я вдыхала знакомые запахи виски и табачного дыма, которые напомнили мне о доме.

Держа меня на руках, папа вышел в коридор. Вслед ему медсестра что-то закричала, и папа перешел на бег. Он открыл дверь с надписью «Пожарный выход», спустился по лестнице и выбежал на улицу. Наш старый Plymouth, который мы называли «Синей гусыней», стоял за углом. Ключ был в зажигании, и мотор работал. На переднем сиденье сидела мама, а на заднем – Лори, Брайан и Жужу. Папа положил меня рядом с мамой и сел за руль.

«Не волнуйся, дорогая, теперь ты в безопасности», – успокоил меня папа.

Через несколько дней после возвращения домой я снова варила на плите сосиски. Я была голодна, а мама в соседней комнате рисовала свою картину.

Мама увидела, что я готовлю, и сказала: «Молодец! Снова в седло и вскачь. Нельзя жить и бояться огня».

Я и не боялась. Более того, огонь нравился мне все больше и больше. Папа сказал, что я должна встречать противника с открытым забралом, и показал, как надо проводить пальцем сквозь пламя свечи. И я неоднократно повторяла это упражнение, каждый раз замедляя движение пальца в пламени для того, чтобы понять, какую температуру может выдержать моя кожа и не обгореть. Я начала наблюдать костры. Когда соседи жгли мусор в железной бочке, я внимательно смотрела на языки пламени. При этом подходила к бочке поближе до тех пор, пока жар не становился невыносимым и я не могла больше его терпеть.

Соседка, которая отвезла меня в больницу, была очень удивлена тем, что я не боюсь огня. «А чего ей его бояться? – сказал папа. – Она уже один раз с ним сразилась и выиграла битву».

Я начала воровать у папы спички, пряталась за автоприцепом и зажигала их. Мне нравился звук, который издает головка с серой, когда чиркаешь по шершавой коричневой полоске и как огонь с шипением вспыхивает. Я грела кончики пальцев у пламени, а потом победно размахивала спичкой. Я зажгла лист бумаги, а потом подпалила небольшой сухой кустик и стала смотреть. Когда казалось, что куст вот-вот будет весь охвачен пламенем, я затаптывала огонь, матерясь, как папа: «Ах ты, сукин ты сын!»

Однажды я решила произвести эксперимент с моей любимой игрушкой – пластмассовой фигуркой Динь-Динь.[3 - Tinker Bell или Tink – маленькая фея из сказки Дж. Барри «Питер Пэн». Динь-Динь является, пожалуй, самой известной из всех сказочных фей англосаксонского фольклора. – Прим. перев.] Она была около семи сантиметров роста, ее светлые волосы были собраны в конский хвост, и руки она уперла в бока отчего вид у нее был очень самоуверенный. Я зажгла спичку и поднесла к лицу Динь-Динь для того, чтобы она могла почувствовать жар. В отблесках пламени лицо Динь-Динь казалась мне еще красивее. Спичка потухла, и я зажгла другую. На сей раз я поднесла спичку слишком близко к лицу игрушки. Глаза Динь-Динь расширились, словно от страха, и ее лицо начало плавиться. Я быстро погасила спичку, но было уже слишком поздно. Идеальный носик Динь-Динь исчез, а улыбка красных губ превратилась в оскал. Я постаралась быстро расправить пальцами черты лица Динь-Динь, но из этого ничего не вышло. Лицо игрушки затвердело, и я наложила на него повязки. Мне хотелось провести трансплантацию кожи, но я понимала, что для этого игрушку придется разрезать на кусочки, и воздержалась. Даже с оплавленным лицом Динь-Динь еще долго оставалась моей любимой игрушкой.

Спустя несколько месяцев после этих событий папа вернулся домой поздно ночью и поднял нас с кровати.

«Пришла пора поднять ставки и покинуть эту гнусную дыру», – возвестил он.

Он сказал, что у нас есть пятнадцать минут для того, чтобы сложить наши вещи в машину.

«Папа, все в порядке? За нами кто-то гонится?» – озабоченно спросила я.

«Не волнуйся, – ответил папа. – Предоставь мне решать эти проблемы. Я же о вас всегда забочусь?»

«Конечно», – ответила я.

«Ну и прекрасно!» – воскликнул папа. Он обнял меня и приказал всем поторапливаться. Мы взяли только самое необходимое: закопченный мангал, датскую плиту, тарелки и столовые приборы, купленные в магазине военных товаров, ножи, папин пистолет, мамин лук и положили все это в багажник «Синей гусыни». Папа сказал, что ничего больше брать не надо, лишь то, что требуется для выживания. Мама выбежала на площадку перед нашим автоприцепом-караваном и при свете луны начала рыть землю. Она искала банки с нашими деньгами, которые зарыла здесь, но забыла, где именно.

Прошел час. Мы привязали на крышу машины мамины картины, засунули вещи в багажник, а то, что не влезло в него, положили на заднее сиденье и на пол автомобиля. Папа ехал медленно, чтобы не разбудить обитателей парка автоприцепов, от которых мы, по его выражению, «валили». Недовольный нашей нерасторопностью, папа что-то бормотал про себя.

«Папа, я забыла Динь-Динь!» – вспомнила я.

«Динь-Динь сама со своей жизнью разберется. Она точно такая же смелая, как и моя маленькая девочка. Ты же готова к новым приключениям?» – спросил меня папа.

«Наверное», – неуверенно ответила я и понадеялась на то, что тот, кто найдет Динь-Динь, будет любить ее, несмотря на оплавленное лицо. Я крепче обняла нашего кота Дон-Кихота, у которого не было одного уха. Дон-Кихот недовольно заворчал и поцарапал мне лицо. «Да тише же, Дон-Кихот!» – сказала я коту.

«Кошки не любят ездить в машине», – объяснила мама.

Папа заявил, что тем, кто не любит путешествовать, с нами не место. Он остановил машину, бесцеремонно схватил Дон-Кихота за шкурку и выбросил в окно. Кот глухо ударился о землю с жалобным «Мяу!», папа нажал на газ, а я расплакалась.

«Не расстраивайся», – утешила меня мама. Она сказала, что мы всегда можем взять другого кота, а Дон-Кихоту сейчас будет даже лучше, потому что он станет диким котом, а это гораздо интереснее, чем быть послушным домашним животным. Брайан испугался, что папа под горячую руку выбросит в окно и собаку, и крепче вцепился в Жужу.

Чтобы нас хоть как-то утешить, мама начала петь Don't fence me in[4 - «Не сажай меня за ограду» – популярная американская песня, написанная в 1934 г. композитором Коулом Портером на слова Роберта Флетчера.] и This is your land,[5 - «Это твоя страна» – одна из самых популярных фолк-песен в США, написана Вуди Гатри в 1940 г. По посылу похожа на песню «Широка страна моя родная», только с большим упором на индивидуальные права граждан на пользование государственной землей, чем в советской песне. – Прим. перев.] после чего папа сразил нас прочувствованным исполнением таких классических песен, как Old Man river и Swing low sweet chariot.[6 - Религиозный гимн 1909 г. – Прим. перев.] Через некоторое время я позабыла о Дон-Кихоте, Динь-Динь и друзьях, которых оставила в парке для автоприцепов. Папа начал рассказывать, какими богатыми мы станем и как нам хорошо будет жить, после того как доберемся до нашего места назначения.

«А куда мы направляемся, папа?» – поинтересовалась я.

«Да куда глаза глядят», – ответил он.

Папа остановил машину посреди пустыни, и мы заночевали под звездами. Подушек у нас не было, но он заверил нас, что все это – часть хорошо продуманного плана. Папа говорил, что благодаря этому у нас будет правильная осанка. «Индейцы не пользуются подушками, и посмотрите, какие они все стройные», – утверждал он. Мы расстелили колючие армейские одеяла, легли и начали рассматривать звезды. Я сказала Лори, что нам очень повезло, ведь мы спим, как индейцы.

«Я могу так всю жизнь прожить», – сказала я.

«Кажется, такой жизни нам не избежать», – печально ответила сестра.

Мы всегда уезжали ночью. Или, как выражался папа, – «валили». Иногда я слышала, что родители обсуждают наших преследователей. Папа называл их кровососами, гестаповцами и «бандосами». Порой в разговорах родителей всплывали малопонятные мне упоминания компании Standard Oil, которая хотела украсть земли в Техасе, принадлежавшие семье мамы, и агентов ФБР, которые охотились за папой за одно темное дело, о котором он не хотел говорить подробнее, чтобы не навлечь на нас опасность.

Папа был настолько уверен в том, что агенты ФБР идут по нашему следу, что курил сигареты с обратного конца – поджигая с той стороны, где написано название бренда. Он делал это совершенно сознательно для того, чтобы те, кто его разыскивает, нашли в пепельнице не окурки Pall Mall, а совершенно неопознаваемые «бычки». Впрочем, мама считала, что ФБР совершенно не интересуется папой: просто ему нравится говорить, что его ищет ФБР. На самом деле папу разыскивали лишь судебные приставы за долги, но в этом не было ничего захватывающего и крутого.

Мы переезжали с места на место, словно кочевники. Мы жили в маленьких городах и поселениях в Неваде, Калифорнии и Аризоне. Обычно в поселениях, в которых мы останавливались, были бензозаправка, магазин и пара баров. Это помимо нескольких грустных рядов просевших сараев. Такие обиталища носили странные названия вроде Нидлз, Боуз, Пай, Гоффс, Вай (Needles, Bouse, Pie, Why) и были расположены вблизи мест с еще более странными именами: Суеверные горы (Superstitious Mountains), пересохшее озеро Содовой воды (Soda lake) или гора Старуха (Old Woman mountain). Чем удаленнее это место было от

цивилизации и чем малолюднее, тем больше оно нравилось родителям.

Папа устраивался на работу электриком или инженером, скажем, на гипсовый рудник либо на разработку по добыче медной руды. Мама утверждает, что у папы язык хорошо подвешен и он всегда умел напелсти работодателям сказок о работах, которыми никогда не занимался, и дипломах об образовании, коих не имел. Он мог получить практически любую работу, но не желал на ней долго оставаться. Случалось, отец зарабатывал деньги игрой в карты. Рано или поздно очередная работа ему надоедала. И когда это происходило (или когда скапливалось слишком много неоплаченных счетов, либо инженеры электрической компании уличали его в воровстве электроэнергии для нашего каравана-автоприцепа от линии электропередачи), то снова на горизонте появлялись «агенты ФБР», и мы ночью собирали пожитки и переезжали в другой городишко, где начинали искать съемный дом.

Иногда мы останавливались у маминой мамы – у нашей бабушки Смит, которая жила в большом доме в Финиксе, штат Аризона. Бабушка выросла в западной части Техаса, где любят лошадей, любят танцевать и не стесняются применять крепкие выражения. Говорили, что она способна была приручить самого дикого мустанга и помогала дедушке на ранчо в Аризоне поблизости от Гранд-Каньона. Бабушка Смит мне очень нравилась. Всякий раз через несколько недель после нашего приезда у родителей возникали проблемы с деньгами, и между папой и бабушкой начиналась «разборка». Когда мама сообщала бабушке, что у них нет денег, бабушка называла папу лентяем. Папа не оставался в долгу и мгновенно отвечал, что у одной присутствующей здесь скряги столько денег, сколько она не в состоянии потратить за всю жизнь, и тут же начиналось соревнование в том, кто кого перекричит.

«Ты молью побитый тюфяк!» – кричала бабушка.

«Тупая скупердяйка!» – орал папа.

«Гавнюк и кровосос!»

«Сумасшедшая паршивая сука!»

Запас матерных и ругательных слов у папы был богаче, зато у бабушки был громче голос, а также бесспорное преимущество «игры на своем поле». Спустя

некоторое время папа приказывал нам садиться в автомобиль. Бабушка просила маму не позволять этому бесполезному козлу увозить ее внуков, но мама отвечала, что это ее муж и она ничего не может поделать. И мы снова направлялись в пустыню в поисках съемного жилья в каком-нибудь богом забытом городишке.

Некоторые обитатели таких городов жили в них по многу лет, другие были такими же перекаати-поле, как мы. Среди последних были картежники, личности с судимостью, бывшие участники Корейской или Вьетнамской войны, а также «женщины легкого поведения», как выражалась мама. Кроме этого, в подобных городках обретались бывшие золотоискатели – люди с морщинистыми коричневыми лицами, иссушенными солнцем и ветрами. Их дети были выносливыми, худыми и с большими мозолями на руках и ногах. Мы с ними общались, но никогда не становились близкими друзьями, потому что знали, что рано или поздно уедем из этого городка.

Иногда, но далеко не всегда, мама отправляла нас в местную школу. Главным образом нашим образованием занимались сами родители. Когда мне исполнилось пять лет, мама научила нас читать книжки без картинок, а папа научил считать. Еще папа обучил нас масе полезных вещей вроде азбуки Морзе. И мы, например, прекрасно знали, что нельзя есть печень убитого белого медведя, потому что умрешь от огромного количества витамина А, который в ней содержится. Папа научил нас стрелять из своего пистолета и из лука матери, а также кидать нож так, чтобы он втыкался точно в середину мишени. Так что уже в свои четыре года я довольно неплохо стреляла из папиного шестизарядного револьвера, попадая в пять пивных бутылок из шести с тридцати шагов. Я держала его обеими руками, целилась, медленно спускала курок, после чего ощущала отдачу выстрела и слышала звук разбитой бутылки. Папа говорил, что меткость очень пригодится, когда нас окружают агенты ФБР.

Мама выросла в пустыне. Она любила сухую несусветную жару, пламенеющие закаты, пустоту и суровость этой земли, которая когда-то была дном океана. Большинство людей не очень жалуют пустыню и с трудом могут в ней находиться, но мама прекрасно знала правила выживания в пустыне. Она показывала нам ядовитые и съедобные растения. Она умела найти в пустыне воду и знала, что ее для жизни надо совсем немного. Она научила нас мыться одним стаканом воды. Она пила неочищенную и нефильТРованную воду, даже воду из канав, если из них пили дикие животные. Она говорила, что хлорированная и очищенная городская вода создана исключительно для

слюнтяев и белоручек, а вода пустыни помогает организму вырабатывать антитела. Мама также была убеждена в том, что зубная паста создана только для неженков. Перед сном мы высыпали себе на ладошку немного соды и капали в нее перекись водорода, после чего чистили зубы пальцами этой шипящей смесью.

Мне пустыня тоже очень нравилась. Когда солнце стояло высоко в небе, песок раскалялся настолько, что привыкшие к обуви люди не могли ходить босиком. Мы же всегда бегали босиком, поэтому подошвы ступней у нас были как из толстой дубленой кожи. Мы ловили скорпионов, змей и огромных лягушек, искали золото и, не найдя его, собирали бирюзу и кусочки граната. После заката налетали такие тучи комаров, что темнел воздух, а потом ночью становилось очень холодно, и мы накрывались одеялами.

Иногда бывали мощные песчаные бури. Нередко они появлялись без предупреждения, а порой их приближение можно было заметить по небольшим воздушным завихрениям, которые начинали гулять по пустыне. Во время песчаной бури видимость была меньше полуметра. Если ты не нашел дом или сарай, где можно спрятаться, надо было сесть на корточки и закрыть глаза, уши и нос, уткнувшись лицом в колени, иначе все отверстия в теле будут заполнены песком. Если на тебя вдруг налетит перекасти-поле, то оно, скорее всего, от тебя отскочит, но если ветер очень сильный, то перекасти-поле может сбить тебя с ног, после чего ты сам покатишься по пустыне, словно превратился в это растение.

В период дождей небо становилось свинцово-серым. Дождевые капли были размером с лесной орех. Некоторые родители боялись, что их детей убьет молния, но мама с папой разрешали нам играть под теплым проливным дождем. Мы брызгались, пели и танцевали. Из низко зависших над землей туч била молния, и гром сотрясал все кругом. Мы восхищались особенно большими молниями и обсуждали их, словно смотрели салют. После дождя папа отвозил нас к пересохшему руслу реки, и мы смотрели, как по нему с ревом несутся потоки воды. На следующий день опунции гигантские и цереусы разбухали от воды. Эти растения знали, что следующего дождя придется ждать долго.

Мы сами поддерживали свое существование подобно кактусам. Ели мы нерегулярно, а когда еды было вдоволь, объедались. Помню, как однажды, когда мы жили в Неваде, с рельсов сошел поезд с дынями. До того случая я никогда не пробовала этих фруктов. Папа привез домой много ящиков,

наполненных дынями. Мы ели их свежими и даже жарили. В другой раз, когда мы жили в Калифорнии, началась забастовка сборщиков винограда, и владельцы виноградников разрешили всем желающим приезжать и собирать пропадающий урожай – набирать сколько угодно. Мы проехали несколько сотен километров и попали на плантации, где грозди лопавшегося от зрелости винограда были больше моей головы. Тогда все доступное пространство автомобиля мы забили зеленым виноградом: багажник, бардачок, даже на наших коленях были кучи винограда, из-за которого мы буквально не видели дальше своего носа. Потом на протяжении нескольких недель мы ели один виноград на завтрак, обед и ужин.

Папа утверждал, что все наши переезды – явление исключительно временное. У папы был великий план: он собирался найти золото.

Все говорили, что папа очень способный. Он мог починить все, что угодно. Однажды, когда у нашего соседа сломался телевизор, папа снял заднюю крышку и макарониной изолировал два провода. Сосед был сильно поражен такой инженерной мыслью и после этого всем рассказывал, что наш папа, как никто другой знает, как обходиться с макаронами. Папа неплохо смыслил в математике, физике и электричестве. Он читал книги о логарифмах и обожал, как он выражался, симметрию и поэзию математики. Он объяснил нам магические свойства цифр и то, как цифры могут открыть нам тайны вселенной. Но самым горячим увлечением отца были вопросы энергии: термической, ядерной, солнечной и ветряной. Он говорил о том, что в мире существует столько неосвоенных человечеством видов энергии, а люди лишь глупо жгут нефтяное и газовое топливо.

Папа постоянно что-то изобретал. Одним из его крупнейших изобретений было устройство под названием Искатель, пользуясь которым мы должны были искать золото. Искатель состоял из наклонного листа размером 1,20 на 3 метра. На этом листе были деревянные планки и ямки, благодаря которым самородок золота по весу отделялся от другой породы. Тогда, если нам потребуется что-то купить, мы могли бы взять небольшой самородок золота и поехать с ним в магазин. По крайней мере, такой у папы был план использования Искателя после того, как он его построит.

Мы с Брайаном помогали папе строить Искатель. Мы шли на площадку за домом, где я держала гвозди, а папа их забивал. Иногда папа разрешал мне чуть-чуть вбить гвоздь, но окончательно забивал его всегда сам одним мощным ударом

молотка. Воздух пах свежеструганым деревом, а папа забивал гвозди и насвистывал. Он всегда насвистывал, когда работал.

Мне казалось, что мой папа – идеал всех пап, хотя мама говорила, что у него есть небольшая проблема с алкоголем. У папы была, как выражалась мама, «пивная стадия». Пребывая на этой стадии, он гнал машину быстрее, чем следовало, громко пел и совершал необдуманные и опасные поступки, но в целом наша жизнь была веселой и прекрасной. А вот когда в папины руки попадала бутылка крепкого алкоголя, ситуация сильно менялась. Под воздействием крепкого спиртного папа превращался в незнакомца с дикими глазами, кидающегося табуретками и грозящего побить всех и каждого, кто встречался на его пути. Вдоволь наругавшись и разбив все, что можно, папа падал без сил. Правда, пил крепкий алкоголь он только тогда, когда у него были деньги, что случалось совсем не часто, так что в те времена наша жизнь была преимущественно безоблачной.

Перед тем как Лори, Брайан и я укладывались спать, папа рассказывал нам истории на ночь. Во всех историях был один герой – папа. Мы лежали в кровати под одеялами, и окружающую темноту освещала только папина сигарета. Когда папа глубоко затягивался, огонек сигареты начинал ярко светиться и освещал его лицо.

«Папа, расскажи историю из своей жизни», – умоляли его мы.

«Ну, я не уверен, хотите ли вы услышать еще одну историю про вашего папу», – обычно отвечал он.

«Хотим! Очень хотим!» – кричали мы.

«Ладно, расскажу, – отвечал папа. Он закладывал паузу и тихо смеялся над каким-то далеким воспоминанием. – Ваш папаша много чего в своей жизни натворил, но то, что я вам сейчас расскажу, даже по меркам сумасшедшего Рекса Уоллса штука совершенно из ряда вон выходящая».

И он рассказывал нам историю о том, как, когда он был пилотом и в воздухе у самолета отказал мотор, он посадил его на пастбище и спас весь экипаж. Или тот случай, когда он поборол стаю диких собак, которые хотели загрызть хромого мустанга. Или когда он починил сломанный шлюз на плотине Гувера и

спас жизни сотен людей, которые бы неизбежно погибли, если бы плотину прорвало. Еще у него была история о том, как однажды во время службы в ВВС он ушел в самоволку и поймал в баре сумасшедшего, собиравшегося взорвать военную базу, на которой была расположена папина часть. Последняя история наглядно показывала, что время от времени полезно уходить в самоволку.

Папа рассказывал истории не без определенного актерского мастерства. Он всегда начинал медленно и часто прерывал рассказ. «А что было дальше? Ну, пожалуйста!» – умоляли его мы, даже если уже слышали эту историю раньше. Мама хихикала в углу, а папа на нее гневно смотрел. Если кто-нибудь прерывал его рассказ, он очень злился, и, чтобы он его закончил, нам приходилось обещать, что мы не будем его отвлекать.

В своих рассказах папа неизменно был сильнее, умнее и быстрее всех остальных. Он часто спасал жизни детей и женщин, а иногда и мужчин, которым не посчастливилось быть такими сильными и смелыми, как он сам. Папа учил нас разным приемам: как оседлать дикую собаку и свернуть ей шею и как уложить противника одним ударом в горло. Впрочем, папа уверял, что пока он рядом, если кто-то хоть палец поднимет на его любимых детишек, он оставит на заднице того наглеца такие четкие отпечатки подошв своих ботинок, что можно будет точно определить размер его обуви.

Порой папа вместо пересказа удивительных историй из своей прошлой жизни посвящал в свои великие планы на будущее. Например, он собирался построить Хрустальный дворец. Это был особый проект дома в пустыне, в котором он воплотит свои инженерные и математические способности. В замке будут толстые хрустальные стены, хрустальный потолок и хрустальная лестница. На крыше будут стоять солнечные батареи, обеспечивая электричество для обогрева, охлаждения дома и прочих нужд. Здесь будет и система очистки воды. Папа уже начертил план Хрустального дворца и сделал основную часть необходимых расчетов. Он не расставался с этими чертежами и иногда разрешал нам дорабатывать дизайн наших комнат.

Для претворения проекта в жизнь оставалось лишь одно – найти золото. А его мы должны получить, как только закончим свой Искатель. Сразу после этого мы будем в золоте купаться и начнем строительство Хрустального замка.

Папа очень любил рассказывать истории из своей жизни, но вот о своих родителях и том, где он родился, говорил редко. Мы знали, что папа родился в городке под названием Уэлч в Западной Виргинии – там, где много угольных шахт. Его отец, наш дедушка, работал клерком на железной дороге. Он сидел на маленькой станции и писал записки, которые, нацепив на палку, передавал машинистам проходящих поездов. Папу такая жизнь не привлекала, и, когда ему исполнилось семнадцать лет, он пошел в военные летчики.

Ему особенно нравилось пересказывать нам историю о том, как они встретились с мамой. Эту историю он поведал нам, наверное, раз сто. Мама работала в организации USO,[7 - United Service Organizations Inc. – гражданская организация, занимающаяся образованием и развлечением военнослужащих США. – Прим. перев.] но они встретились, когда она была в отпуске на ранчо своих родителей рядом с каньоном Фиш-Крик.

Папа вместе с друзьями из ВВС стоял на скале в каньоне, набираясь смелости для того, чтобы прыгнуть в реку, которая текла в пятнадцати метрах под ними. На скалу приехала мама со своим другом. На маме был белый купальник, подчеркивающий ее фигуру и смуглую от загара кожу. У нее были каштановые волосы, которые летом выгорали на солнце и становились светло-русыми, и она никогда не пользовалась косметикой, за исключением ярко-красной губной помады. Папа говорил, что мама выглядела как кинозвезда. Он за свою жизнь повидал много разных женщин, но только в присутствии мамы у него стали подгибаться колени. Папа влюбился в нее с первого взгляда.

Мама подошла к летчикам и заявила, что нет ничего проще, чем прыгнуть с такой высоты. Она, мол, с детства отсюда прыгала. Никто из летчиков ей не поверил, а мама подошла к краю скалы и ласточкой прыгнула вниз.

Папа прыгнул сразу после нее. Он не собирался упускать такую красоту.

«А как ты прыгнул, пап?» – спрашивала я каждый раз, когда он рассказывал нам эту историю.

«Солдатиком. Как парашютист, но без парашюта», – неизменно отвечал папа.

Он поплыл за мамой и прямо в воде сообщил ей, что женится на ней. Мама ответила, что до этого ей предлагали руку и сердце двадцать три мужчины, и

она всем отказала. «Почему ты думаешь, что я тебе не откажу?» – спросила она.

«А я и не просил выйти за меня замуж. Я просто сказал, что женюсь на тебе».

Через полгода они действительно поженились. Я считала, что это самая романтическая история на свете, однако маме она не очень нравилась. Ей эта история не казалась романтической.

«Мне пришлось согласиться. Твой папа просто так от меня не отстал бы, – объясняла мама. И добавляла, что очень хотела уехать от своей матери, которая не давала ей никакой возможности принимать самостоятельные решения. – Но откуда я могла знать, что в этом смысле твой папа окажется еще хуже?»

Сразу после свадьбы папа уволился из армии. Он хотел, чтобы его семья была богатой, а разбогатеть на службе довольно проблематично. Еще через несколько месяцев мама забеременела. Первые три года после рождения моя старшая сестра Лори была лысой, как коленка, и не произнесла ни слова. Потом совершенно неожиданно у нее появились волосы ярко-медного цвета, и она начала говорить без остановки так, что ее невозможно было заткнуть. Впрочем, смысла слов Лори никто разобрать не мог. Все думали – ребенок свихнулся. Только одна мама прекрасно понимала Лори и утверждала, что у нее богатый словарный запас.

После Лори у моих родителей родилась вторая дочь, которую называли Мэри Шарлен. У нее были угольно-черные волосы и карие глаза, как у папы. Мэри Шарлен умерла в возрасте девяти месяцев. Еще через два года родилась я. Мама сказала мне, что она захотела еще одну дочку с ярко-медными волосами, чтобы Лори не чувствовала себя единственной в мире рыжей. «Ты была такой худой, – рассказывала мама. – В роддоме медсестры никогда не видели такого длинного и тощего ребенка».

Брайан появился на свет, когда мне был один год. По словам мамы, он родился синим, потому что у него был приступ удушья и он не мог дышать. Рассказывая эту историю, мама каждый раз выпучивала глаза и стискивала зубы для того, чтобы показать, как выглядел Брайан. Увидев ребенка, мама подумала, что и он не жилец на этом свете, но Брайан выжил. На протяжении первого года жизни у Брайана случались припадки, но потом они прекратились. Он вырос выносливым мальчишкой, никогда не хныкал и не плакал, даже когда я случайно столкнула

его с кровати на втором ярусе: он тогда упал и сломал нос.

Мама всегда говорила, что люди слишком сильно переживают по поводу своих детей. Некоторая доля страданий в детском возрасте полезна, утверждала она. Стрдание активизирует иммунную систему тела и души, и именно поэтому мама игнорировала нас, когда мы плакали. Она считала, что, если чересчур много прыгать вокруг ребенка, когда тот расстроен, он будет еще больше капризничать, поскольку такое повышенное внимание послужит позитивным подкреплением негативного поведения.

И казалось, что мама совершенно не переживала по поводу смерти Мэри Шарлен. «Бог знает, что делает, – объясняла она. – Он дал мне несколько прекрасных детей и дал одного ребенка, который не был таким прекрасным. И Бог сказал: «Упс, вот этого надо взять назад». Папа никогда не говорил про Мэри Шарлен. Как только начинался разговор об умершей дочери, его лицо каменело, и он выходил из комнаты. Именно папа нашел ее в кроватке мертвой, и это ему было сложно забыть. «Он был в состоянии шока. Он держал холодное тело ребенка на руках, а потом закричал, как раненое животное. Я никогда не слышала такого страшного крика», – рассказывала мама.

Мама говорила, что после смерти Мэри Шарлен папа сильно изменился. Он начал много пить, периодами впадал в депрессию и постоянно терял работу. После рождения Брайана у родителей не было денег, и папа заложил бриллиантовое обручальное кольцо, за которое заплатила бабушка с маминой стороны. Мама тогда очень расстроилась и потом, когда они с папой ругались, всегда вспоминала это кольцо. Папа очень злился и однажды сказал, что купит ей кольцо гораздо лучше. Именно поэтому он и хотел найти золото – чтобы купить бриллиантовое кольцо маме и построить Хрустальный дворец.

«Тебе нравится постоянно переезжать с места на место?» – спросила меня однажды Лори.

«Еще бы! А тебе разве нет?» – ответила я.

«Конечно», – сказала Лори.

Наша машина стояла около бара под названием Bar None в невадской пустыне. Мне было четыре года, а Лори семь лет. Мы ехали в Лас-Вегас. Папа сказал, что деньги на Искателя можно выиграть в казино. До появления бара Bar None мы были в дороге несколько часов. Папа остановил наш универсал Зеленый товарный вагон (к тому времени наша Синяя гусыня уже умерла) и заявил, что ненадолго зайдет в бар. Мама намазала губы помадой и пошла с ним, хотя она никогда не пила ничего крепче чая. Родители не возвращались уже несколько часов. Солнце стояло высоко над горизонтом, ветра не было и было очень жарко. Где-то у дороги стервятники что-то клевали. Брайан читал потрепанный комикс.

«Ты помнишь, в скольких городах мы жили?» – спросила я Лори.

«Все зависит от того, что ты имеешь в виду под словом «жили», – ответила сестра. – Если ты, например, одну ночь спал в городе, значит ли это, что ты в нем жил? Или спал две ночи? Или провел в нем неделю?»

Я задумалась: «Жил – значит, распаковал все вещи».

Вместе мы вспомнили одиннадцать мест, которые попадают под этот критерий, а потом сбились со счета. Мы не смогли припомнить названий многих городов и какими там были наши жилища. Я вообще помнила только внутренний интерьер машины.

«Как ты думаешь, что произошло бы, если бы мы постоянно не переезжали?» – спросила я.

«Нас бы поймали», – ответила сестра.

Мама с папой, наконец, вышли из бара и дали каждому из нас по полоске вяленой говядины и шоколадному батончику. Я съела свою говядину, а когда разорвала обертку на своем батончике Mounds и увидела, что ее содержимое превратилось от жары в тягучую массу, решила подождать до тех пор, пока в ночном холоде пустыни шоколадка снова затвердеет.

Мы проехали ближайший к Bar None городок. Папа за рулем курил и пил пиво из темной бутылки. Лори сидела на переднем сиденье между ним и мамой. Брайан

сидел со мной на пассажирском сиденье и стремился поменять половинку моего Mounds на половинку своего батончика «Три мушкетера». В этот момент машина резко повернула после железнодорожного переезда, дверь с моей стороны открылась, и я выпала на обочину.

Я несколько раз перевернулась и остановилась. Во рту и в глазах была пыль, а сама я была в шоке. Я смотрела, как Зеленый товарный вагон удалялся, а потом и совсем скрылся за поворотом.

Из разбитого лба и из носа у меня текла кровь. Колени и локти были тоже разбиты до крови, а раны покрыты песком. В руке я все еще сжимала свой батончик Mounds, который во время падения окончательно сплющился, и его белая кокосовая начинка была вся в грязи.

Я поднялась по насыпи и села у дороги в ожидании возвращения родителей. Ныло все тело. Солнце висело на горизонте, и было нестерпимо жарко. Поднялся легкий ветер и понес придорожную пыль. Мне казалось, что я ждала очень долго, и решила, что мама с папой могут и не вернуться. Они могли и не заметить моего исчезновения. Или они могли бросить меня, как Дон-Кихота, и решили, что возвращаться за мной не стоит.

Машин на дороге не было. Я немного поплакала, отчего мне стало еще хуже. Я решила вернуться в город, встала на ноги и пошла в ту сторону, где он находится. Потом я подумала о том, что если мама с папой вернутся, то не смогут меня найти, и снова уселась на обочине.

Я пыталась очистить ноги от засохшей крови, а когда подняла голову, увидела приближающийся Зеленый товарный вагон. Машина затормозила, из нее вышел папа и попытался меня обнять.

Я отодвинулась от него. «Я думала, что вы меня здесь оставите», – пожаловалась я.

«Да что ты, мы бы никогда такого не сделали, – ответил папа. – Твой брат говорил, что ты выпала, но мы ничего не могли разобрать».

Папа принялся вынимать мелкие камушки, которые застряли у меня в коже, но они сидели так глубоко, что ему пришлось вернуться к машине и взять в

бардачке плоскогубцы. Папа вынул камешки у меня изо лба и щек и попытался платком остановить кровотечение из носа, кровь из которого капала, словно из сломанного крана. «Черт подери, дорогая, ты кажется свою соплилку серьезно разбила», – заметил он.

Меня рассмешило слово «сопливка», и я начала смеяться, как сумасшедшая. Папа отряхнул меня от грязи, и мы вернулись к машине. Я рассказала Брайану и Лори о том, что папа назвал мой нос «сопливкой», и все мы начали хохотать. «Соплипка» – с ума сойти, как смешно.

В Лас-Вегасе мы прожили около месяца. Мы остановились в мотеле с темно-красными стенами и двумя узкими кроватями. На одной кровати спали все дети, а мама с папой – на другой. Днем мы шли в казино. Папа говорил, что знает, как обмануть казино. Мы с Брайаном играли в прятки между «однорукими грабителями», заглядывая в лотки для того, чтобы найти забытую кем-нибудь 25-центовую монетку, а папа играл в блэкджек. Я во все глаза смотрела на проходящих мимо длинноногих девушек из кордебалета в костюмах с блестками, с огромными перьями на голове и с гримом на лице, но когда я попыталась имитировать их походку, Брайан сказал, что я похожа на страуса.

В один прекрасный день, когда папа пришел нас забирать, его карманы были набиты деньгами. Он купил нам ковбойские шляпы, кожаные жилеты с бахромой, после чего мы ели стейки в ресторане с нагонявшим ледяной воздух кондиционером и миниатюрными jukebox'ами, т. е. автоматами для проигрывания музыки, на каждом столике. Когда папа выиграл в следующий раз, он заявил, что нам пора начинать жить, как живут богатые плейбои, и отвел нас в ресторан, похожий на бар из ковбойских фильмов. Внутри ресторана все было украшено предметами эпохи Золотой лихорадки. За роялем сидел мужчина, одетый в рубашку с резинками на рукавах, а официантка в пышном платье и длинных перчатках зажигала папины сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Lucille Ball (1911-1989) – американская комедийная актриса и звезда телесериала «Я люблю Люси», получившая в США прозвище «Королева комедии».

2

Goomba – сленговое обращение наподобие испанского *compadre* и итальянского *comrade*, а также сицилийского *compari*, т. е. «кумпан». Используется главным образом среди жителей Нью-Йорка итальянского происхождения. – Прим. перев.

3

Tinker Bell или Tink – маленькая фея из сказки Дж. Барри «Питер Пэн». Динь-Динь является, пожалуй, самой известной из всех сказочных фей англосаксонского фольклора. – Прим. перев.

4

«Не сажай меня за ограду» – популярная американская песня, написанная в 1934 г. композитором Коулом Портером на слова Роберта Флетчера.

5

«Это твоя страна» – одна из самых популярных фолк-песен в США, написана Вуди Гатри в 1940 г. По посылу похожа на песню «Широка страна моя родная», только с большим упором на индивидуальные права граждан на пользование государственной землей, чем в советской песне. – Прим. перев.

6

Религиозный гимн 1909 г. – Прим. перев.

7

United Service Organizations Inc. – гражданская организация, занимающаяся образованием и развлечением военнослужащих США. – Прим. перев.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhannett-uolls/zamok-iz-stekla-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)